

Воробьева, Ирина Валентиновна; Пецолдт, Керстин:

**Китайские прямые инвестиции в страны Европейского союза:
возможности и вызовы**

Deutsche Übersetzung:

Vorobieva, Irina Valentinovna; Pezoldt, Kerstin:

**Chinesische Direktinvestitionen in der Europäischen Union:
Chancen und Herausforderungen**

DOI: [10.22032/dbt.49157](https://doi.org/10.22032/dbt.49157)

URN: [urn:nbn:de:gbv:ilm1-2021200111](https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:gbv:ilm1-2021200111)

Zuerst erschienen in:

Современные вызовы и перспективы развития международной торговой системы / Александр Игоревич Погорлецкий (ред.). - Санкт-Петербург : Скифия-принт, 2020. - ISBN 978-5-98620-484-0. - Стр. 93-103.

[Deutsche Übersetzung:

Moderne Herausforderungen und Perspektiven für die Entwicklung des internationalen Handelssystems / Alexander Igorevich Pogorletsky (Hrsg.). - Sankt Petersburg : Scythia-print, 2020. - ISBN 978-5-98620-484-0. - S. 93-103.]

URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44537373>

[Zuletzt gesehen: 07.07.2021]

4.2. Китайские прямые инвестиции в страны Европейского союза: возможности и вызовы²⁷

Китай на протяжении последних десятилетий является реципиентом прямых инвестиций из развитых стран. С начала XXI в. также прослеживается рост его вовлеченности в процессы зарубежного инвестирования

²⁷ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Академии общественных наук Китая в рамках научного проекта № 19-51-93009 «Торговая политика России и Китая в условиях трансформации международной торговой системы».

в качестве экспортера предпринимательского капитала [Попова, 2011]. Сегодня Китай стал крупным международным инвестором, занимая второе место в мире после США. К важным направлениям китайских прямых инвестиций относятся европейские страны. Отраслевая структура китайских ПИИ, интерес китайских инвесторов к компаниям ряда стратегических сфер экономики в последнее время ставит на повестку дня вопросы последствий прямых инвестиций из Китая для экономики стран Европейского союза, соотношения их плюсов и минусов и, соответственно, востребованности государственного регулирования на национальном и межнациональном уровне (в рамках ЕС). Неоднозначность отношения к китайским инвесторам усугубляется политикой правительства Китая, в частности, национальной стратегией «Сделано в Китае — 2025» и инициативой «Пояс и путь». Определим возможности и вызовы для китайских ПИИ в странах ЕС. В этой связи дадим общую характеристику китайских прямых инвестиций в мировой экономике в целом и в Европейском союзе, выявим мотивы и результаты для китайских инвесторов, обратим внимание на последствия китайских ПИИ для стран-реципиентов и вызовы для китайских компаний-инвесторов в странах ЕС в последние годы.

ПИИ — это трансграничные инвестиции, в которых инвестор преследует цель создания долгосрочных отношений с компанией прямого инвестирования за рубежом, предполагающую его влияние на управление объектом инвестирования. Проводят различие между сделками по слияниям и поглощениям (M&A, в том числе *brownfield investments*, «коричневые инвестиции») и новыми проектами инвестирования (*greenfield investments*, «зеленые инвестиции»).

Наиболее широко используемый подход при исследовании международной инвестиционной деятельности компаний — это так называемый «эклeктический подход» Дж. Даннинга [Dunning, 1979]. Эклeктическая парадигма утверждает, что прямые инвестиции компании за рубежом зависят от ряда условий. Во-первых, компания должна обладать особыми преимуществами владения, которые перевешивают затраты на экспансию за границу (*ownership specific advantages = O*). Например, *O*-преимуществами могут быть продукты, производственные процессы, патенты, бренды, человеческий капитал, менеджмент, используя которые компания может получить ценовые и рыночные преимущества, компенсирующие более высокие производственные затраты за рубежом. Во-вторых, целевая страна должна предлагать инвестору конкретные преимущества для конкретной местности (*location specific variables = L*). Преимущества местоположения принимающей страны могут быть связаны с наличием природных и других ресурсов. В-третьих, для компании должно быть более выгодно использовать эти преимущества самостоятельно (*internalization incentive advantages = I*). К мотивам

прямых инвестиций компании в другой стране относятся поиск рынка, эффективности и ресурсов (market-, efficiency- and resource-seeking) [Dunning, 1981]. Для китайских инвесторов представляет интерес такая группа мотивов ПИИ, как поиск стратегических активов (strategic-asset-seeking), когда компании ищут доступ к передовым технологиям, управленческим ноу-хау и брендам. Например, создают исследовательские или проектные центры в Европе или приобретают наукоемких конкурентов. При этом они стремятся повысить свою конкурентоспособность на национальном и международном рынках.

Отметим, что китайское правительство поощряет ПИИ своих компаний, в том числе при сделках по слияниям и поглощениям за рубежом предприятий, имеющих новейшие технологии, рассматривая это как шаги по выполнению национальной стратегии «Сделано в Китае — 2025». Мотивы китайских внешне-ориентированных прямых инвестиций обусловлены усилением конкуренции в самом Китае, имеющей следствием поиск китайскими компаниями лучших условий за рубежом [Ding et al., 2009]. Для выяснения, какова реальная ситуация и какие мотивы действуют для китайских инвесторов, проведем анализ китайских ПИИ по всему миру и в Европейском союзе.

Международное движение капитала в последние годы свидетельствует об общей тенденции сокращения объемов прямого иностранного инвестирования. Так, по данным ЮНКТАД [UNCTAD, 2019], суммарный импорт капитала в мировой экономике снизился с 1497 млрд долл. в 2017 г. до 1297 млрд долл. в 2018 г. (-14%). В то же время наблюдались различия в динамике прямых инвестиций по странам и регионам мира. Так, приток инвестиций в развитые страны сократился в большей степени по сравнению со среднемировыми показателями — с 759 млрд долл. до 557 млрд долл. (-26,6%), а в развивающиеся страны, наоборот, он вырос с 691 млрд долл. до 706 млрд долл. (+2,1%). При этом в страны Северной Америки приток капитала сократился только на 3,6% (с 302 млрд долл. до 291 млрд долл.), а в Европе было зафиксировано падение почти в 2 раза (с 384 млрд долл. до 172 млрд долл.). В странах Латинской Америки и Карибского бассейна наблюдалось небольшое сокращение прямых инвестиций, а в Африке и Азии произошел их рост.

Среди стран — реципиентов прямых инвестиций в 2018 г. первое место занимали США (252 млрд долл.), далее располагались материковый Китай и Гонконг (Китай) — 139 млрд долл. и 116 млрд долл. соответственно. Четвертое и пятое места были у Сингапура и Нидерландов. Среди стран Европейского союза в первой десятке находились также Великобритания, Испания и Франция. При этом приток прямых инвестиций в США в 2018 г. по сравнению с 2017 г. сократился на 9,0%, в Великобританию — на 36,6%, Германию — на 29,7%. Ряд европейских развитых стран — крупных реципиентов прямых

инвестиций в 2018 г. продемонстрировали рост их притока, среди них: Нидерланды — на 17,1%, Испания — на 52,3% и Франция — на 18,9%. Рост импорта капитала был также в Австралии — 33,3% и Канаде — 37,5%.

Оценка внешне-ориентированных потоков прямых инвестиций ведущих стран — участников мирового инвестиционного процесса в 2018 г. показывает снижение прямых инвестиций, исходящих из Японии (до 143 млрд долл., или на 10,6%), и еще большее сокращение из Канады (до 50 млрд долл., или на 37,5%). В европейских странах произошло снижение прямых инвестиций из Германии (до 77 млрд долл., или на 16,3%) и еще более значительное из Великобритании (до 50 млрд долл., или на 57,6%). В то же время был зафиксирован рост более чем в 2 раза экспорта капитала из Франции (до 102 млрд долл., или на 59,8%) и Нидерландов (до 59 млрд долл., или на 52,4%).

Динамика прямых ПИИ Китая в XXI в. показывает, что они росли до 2016 г., в котором они составили 196 млрд долл. и когда был зафиксирован максимум годового прироста в 44%. В целом, согласно данным ежегодного Доклада о мировых инвестициях ЮНКТАД, с 2005 г. до 2010 г. китайские ПИИ увеличились в 6 раз (с 11,3 млрд долл. до 68 млрд долл.), в 2011–2015 гг. среднегодовые темпы роста составили 17% [UNCTAD, 2011; UNCTAD, 2016]. Затем тренд изменился: в 2017 и 2018 гг. поток ПИИ из Китая сократился на 13,7% и 17,7% соответственно [UNCTAD, 2019]. Современные тенденции, в частности, обусловлены как проводимой китайским правительством политикой, направленной на сдерживание ПИИ в сферу недвижимости, развлечение и спортивные клубы, так и регулированием притока иностранных инвестиций в целом ряде развитых стран. К важным факторам относят и ослабление курса китайского юаня [Булатов, 2019].

Таким образом, исходя из анализа приведенной выше статистики, можно заключить, что в 2018 г. сокращение внешне-ориентированных прямых инвестиций из Китая по сравнению с такими странами, как Великобритания или Канада, было существенно меньше. Отметим и тот факт, что Китай остается в тройке ведущих экспортеров прямых инвестиций в мировой экономике.

Китайские зарубежные инвестиции имеют специфическую характеристику, состоящую в том, что Китай много инвестирует в проекты, заключаая подрядные строительные контракты, особенно в развивающихся странах. Эти контракты обычно включают китайские кредиты, но не обязательно участие в управлении.

Анализ региональной структуры китайских строительных контрактов показывает следующую картину. В 2008 г. наибольшая доля строительных контрактов приходилась на сделки, заключенные Китаем в странах Африки к югу от Сахары — 12%, которая выросла до 23% в 2013 г., а в 2018 г. уступила первенство, сократившись до 9%. В 2008 г. второе место занимали страны

Среднего и Ближнего Востока и Северной Африки, доля которых составляла 9%, она сохранилась пять лет спустя на этом же уровне, а затем выросла до 22% в 2018 г., выведя этот регион на первое место. Третью строчку в рассматриваемой структуре в 2008 г. занимали страны Восточной Азии (6%), их доля увеличилась до 9% в 2013 г., выведя их также на третье место, которое они сохранили в 2018 г. (при этом их доля выросла до 13%). Четвертую позицию в 2008 г. занимали страны Западной Азии с долей в 4%, в 2013 г. и 2018 г. она выросла до 12% и 14% соответственно, выведя регион в 2018 г. на второе место в китайских строительных контрактах. Европейские страны в 2008 г. занимали пятое место с долей в 1%, оно сохранилось в 2013 г. при росте доли до 6%, а затем европейский регион переместился на шестую позицию, в 2018 г. доля составила 5% [Felbermayr et al., 2019]. В целом за десятилетие объем китайских строительных контрактов в мире значительно вырос. Однако после сильного роста в 2016 и 2017 гг. он сократился в 2018 г., составив 73 млрд долл. [Scissors, 2019]. Хотя основная доля строительных контрактов КНР приходится на развивающиеся страны, вместе с тем в последний пятилетний период прослеживается интерес к строительным контрактам в развитых странах, особенно европейских, при этом их относительная доля хотя и выросла за 10 лет, но в целом остается небольшой.

ПИИ Китая географически диверсифицированы, присутствуя во всех регионах мира. Рассмотрим место стран ЕС в географической структуре китайских внешне-ориентированных прямых инвестиций. В 2008 г. Европейский регион занимал второе место с долей в 13% после Австралии, на долю которой приходилось 16% китайских ПИИ. В 2013 г. Европа ослабила свои позиции: при сокращении доли до 10% она переместилась на четвертое место, уступив США (доля 16%), Западной Азии (доля 13%) и Африке южнее Сахары (доля 12%). Затем последовал стремительный рост доли Европы в 2018 г., которая составила 42%, выведя регион на первое место среди китайских внешне-ориентированных прямых инвестиций. Второе место среди регионов-реципиентов заняли страны Южной Америки (доля 13%), на третьей строчке расположились страны Африки южнее Сахары (доля 12%), четвертое место заняли США (доля 10%), пятерку замыкали страны Западной Азии (доля 8%). Таким образом, в отличие от китайских строительных контрактов, развитые страны являются приоритетным направлением китайских ПИИ, составляя более половины их потока [Felbermayr et al., 2019], в котором страны ЕС выступают ведущим направлением китайской инвестиционной деятельности в этой группе стран.

Внимание китайских инвесторов к развитым странам обусловлено, с одной стороны, их интересом «к опыту управления сложными видами бизнеса, известных торговых марок, а также необходимостью создания собственных каналов сбыта» [Попова, 2011] и поиском доступа к компаниям крупного

и среднего бизнеса, обладающими уникальными технологиями, с другой — финансовыми трудностями ряда крупных западных компаний.

По данным исследователей консалтинговой компании Ernst & Young, накопленные запасы прямых инвестиций в Европе за 2005–2018 гг. составили 343 млрд долл. Лидером по данному показателю являлась Великобритания (81 млрд долл.), в два раза меньше инвестиции составили в Германии (41 млрд долл.), тройку лидеров замыкала Франция (25 млрд долл.) [Felbermayr et al., 2019]. Однако прослеживается тенденция снижения доли этих трех стран в китайских прямых инвестициях в Европе, с 71% в 2017 г. до 45% в 2018 г. И в целом отмечается резкое снижение притока ПИИ из Китая в европейские страны. Например, в первом полугодии 2019 г. по сравнению с аналогичным периодом 2018 г. он сократился более чем на 80% [Sun, Denneborg, 2019]. Это, наряду с регулированием ПИИ в Китае, объясняется и изменениями в механизме контроля инвестиций как в отдельных странах ЕС, так и регламенте по проверке всех осуществляемых в ЕС иностранных инвестиций, происходящих из стран вне интеграционной группировки (в первую очередь, из Китая), включая разрешение блокирования планируемых инвестиционных сделок в стратегических секторах экономики по соображениям национальной безопасности. Согласно регламенту, страны ЕС ежегодно будут представлять Еврокомиссии информацию о сумме привлеченных инвестиций и их источнике, обмениваться данными, «предупреждать о возможных рисках и даже блокировать сделку в другой стране в случае риска для безопасности» [Холявко, 2019]. Необходимо отметить, что в связи с новыми ограничениями для ПИИ из Китая в ряде стран ЕС китайские инвесторы все активнее увеличивают прямые инвестиции в странах Центральной и Восточной Европы. Так, например, их ежегодный прирост в 2018 г. составил в Венгрии 185%, в Польше — 162%, Словении — более чем 1000% [Булатов, 2019].

По видам прямых инвестиций из Китая в страны ЕС с существенным перевесом преобладают сделки слияний и поглощений (M&A) и только 4,5 процента китайских ПИИ являются инвестициями в новые проекты [Felbermayr et al., 2019]. Вместе с тем прослеживается тенденция сокращения количества сделок M&A: после их пика в 309 сделок в 2016 г. до 247 сделок в 2017 г. и 196 сделок в 2018 г. [Sun, Rösch-Rütsche, 2019]. В первом полугодии 2019 г. была заключена 81 сделка [Sun, Denneborg, 2019].

В европейских странах китайские инвесторы проявляют особую заинтересованность в инвестициях в автомобилестроение, транспорт, логистику, морские порты и аэропорты, финансовые и бизнес-услуги, отрасли информационных и коммуникационных технологий, энергетику (включая возобновляемые источники энергии), производство потребительских товаров, сектор развлечений и другие [Андропова, Соколан, 2018; Булатов, 2019]. Резкие изменения (скачки) притока китайских прямых инвестиций (рост/

снижение) в странах Европейского союза в ряде случаев были обусловлены крупными индивидуальными транзакциями, совершенными китайскими компаниями в отдельные годы. Приведем примеры наиболее крупных сделок для отдельных стран ЕС, из которых также можно увидеть их отраслевую специфику, обратившись к исследованию China Global Investment Tracker [Tartar et al., 2018; AEI, 2019].

Одной из крупнейших сделок в Италии стало поглощение China National Chemical Corp. и Silk Road Fund Co. производителя шин Pirelli&C SpA (объем сделки 7,1 млрд долл., 2015 г.). Zhejiang Geely Holding Group Co. купила пакеты акций в автомобилестроении в Швеции — Volvo Personvagnar AB (1,8 млрд долл., 2010 г.) и Volvo Trucks (3,2 млрд долл., 2017 г.), в Германии — Daimler (9 млрд долл., 2018 г.). Midea Group Co. инвестировала в покупку немецкой компании сектора робототехники KUKA AG (4 млрд долл., 2016 г.) В Нидерландах крупный объем инвестиций был направлен China Jianyin Investment Ltd. производителю электронной продукции Standard Products business/NXP Semiconductors NV (2,8 млрд долл., 2016 г.). Среди секторов высоких технологий, где зафиксированы крупные сделки, для Дании — приобретение Sparkle Roll Group Ltd. миноритарной доли компании аудиотехнологий BVI — Bang&Olufsen AS (99,4 млн долл., 2016 г.), для Болгарии — инвестиции Thunder Software Technology Co. в компанию разработчика программного обеспечения MM Solutions AD (36,9 млн долл., 2017 г.). В Финляндии Citic Capital Partners, Tencent Holding Ltd. и соинвесторы приобрели мажоритарную долю разработчика видеоигр в социальных сетях Supercell Oy (8,6 млрд долл., 2016 г.). В Эстонии Guangzhou Hangxin Aviation Technology Co. инвестировала в компанию, специализирующуюся на услугах по ремонту авиационной техники Magnetic MRO AS (51,9 млн долл., 2018 г.).

Во Франции China Investment Corp. инвестировала в подразделение по разведке и добыче природного газа нефтегазовой корпорации Engie SA (3,3 млрд долл., 2011 г.). В Хорватии Norinco International Cooperation Ltd. стала владельцем мажоритарной доли компании ветроэнергетики Energija Project dd (38 млн долл., 2017 г.), China Three Gorges Corp совершила покупку портфеля активов ветряных парков в Польше и Италии (398,4 млн долл., 2015 г.), в Португалии приобрела миноритарный пакет акций энергетической компании EDP-Energias de Portugal (3,5 млрд долл., 2011 г.). В Румынии GM Investment Co. инвестировала в нефтяную и газовую инфраструктуру в компанию Zeta Petroleum Plc (2,9 млн долл., 2016 г.).

В Венгрии крупной сделкой стали инвестиции Wanhua Industrial Group Co. в покупку мажоритарной доли химической компании BorsodChem Zartkoruen Mukodo Reszveytarsasag (1,6 млрд долл., 2011 г.). В Испании Firion Investments инвестировала в компанию, специализирующуюся на ресайклинге SL — Urbaser SA (1,6 млрд долл., 2016 г.), в Исландии Zhejiang

Geely Holding Group Co стала владельцем мажоритарной доли Carbon Recycling International Ltd (45,5 млн долл., 2015). В Чехии Shandong Hi-speed Co. вложила капитал в компанию по лесозаготовкам Lesni Spolecnost Tepla AS (463,2 млн долл., 2010 г.). Крупной инвестиционной сделкой для Кипра явилась покупка Yanggu Xiangguang Copper Co. мажоритарной доли горнодобывающей компании по добыче меди Atalaya Mining Plc (96,2 млн долл., 2015 г.).

Примерами крупных китайских инвестиций в сектор услуг явились Люксембург, где Legend Holdings купила 90% акций банка Internationale a Luxembourg (1,5 млрд долл., 2017 г.), а также Бельгия, где Tongchuang Jiuding Investment Group Co. вложила капитал в компанию сферы страхования Ageas Asia Holding Ltd. (1,4 млрд долл., 2015 г.). В сфере транспортных услуг отметим пример крупной сделки инвестиционной корпорации China Investment Corporation в Великобритании — это инвестиции в логистическую компанию Logisor (13,8 млрд долл., 2017 г.), предоставляющую услуги складской инфраструктуры. В Греции Fosun International Ltd. инвестировала в инфраструктуру аэропорта Hellinikon SA (1,1 млрд долл., 2014 г.) [AEI, 2019; Tartar et al., 2018]. В целом, китайские инвесторы проявляют большой интерес к инвестициям в модернизацию транспортной инфраструктуры в странах ЕС. Здесь прежде всего следует выделить приобретение COSCO («Китайская компания морских грузоперевозок») контрольного пакета акций крупного морского порта Пирей в Греции (2016 г.). Среди других отметим проекты реконструкции портов в Венеции (Италия), Гамбурге (Германия), Брюгге и Антверпене (Бельгия), Роттердаме (Нидерланды), Клайпеде (Литва), Валлете (Мальта), Ноатуме (Испания) и др. [Цвык, 2019].

Таким образом, рассмотрев наиболее крупные сделки, совершенные китайскими инвесторами в отдельных странах ЕС, можно заключить, что диапазон отраслей экономики, в которые были вложены китайские инвестиции, достаточно диверсифицирован. Это можно также увидеть на примере наиболее крупных сделок китайских компаний в последние два года. В табл. 4.2.1 приведены примеры первой десятки инвестиционных сделок китайских инвесторов в европейских странах в 2018 г. по их объему. В десятку вошли семь стран, при этом по две крупных сделки были совершены в Германии, Франции и Италии. Прямые инвестиции из Китая включали различные сферы — от производства промышленных и потребительских товаров (на которые пришлась половина объема инвестиций первой десятки сделок) до сферы услуг (телекоммуникации, финансы, медиа и развлечения).

Анализ аналогичных данных по первой половине 2019 г. (см. табл. 4.2.2) показывает существенное снижение объемов индивидуальных инвестиционных сделок (все заключенные сделки менее миллиарда долларов). И в целом сумма десяти крупнейших сделок в 13 раз меньше суммы первой

десятки сделок в предыдущем году (2018 г. — 24,4 млрд долл., первая половина 2019 г. — 1,860 млрд долл.). При этом на Германию в первой половине 2019 г. приходилась половина из десятки крупнейших инвестиционных сделок в европейских странах.

Таблица 4.2.1.

Крупнейшие сделки слияний и поглощений в европейских странах с участием китайских инвесторов в 2018 г.

Инвестор (КНР)	Отрасль/сфера деятельности	Целевая страна-реципиент	Целевая компания	Объем инвестиций (млрд долл.)
Zhejiang Geely Hldg Grp	Промышленность	Германия	Daimler	8,9
Anta Intl Grp Holding	Потребительские товары и услуги	Финляндия	Amer Spots Oyj	6,3
CK Hutchison Holding	Телекоммуникации	Италия	Wind Tre SpA	2,9
Zijin Mining Group	Производство материалов	Сербия	RTB Bor Grupa doo	1,5
Investor Group	Высокие технологии	Франция	Ubisoft Entertainment	1,0
Hisense Group	Потребительские товары (бытовая техника и электроника)	Словения	Gorenje	0,8
China Reinsurance Group	Финансы	Великобритания	Hanover Insurance Intl Hldg	0,8
Ningbo Jihong Invest	Промышленность	Германия	Grammer	0,8
Qingdao Haier	Потребительские товары (бытовая техника и электроника)	Италия	Candy	0,7
China Lodging Group	Медиа и развлечения	Франция	Accor	0,7

Источник: [Sun, Rösch-Rütsche, 2019].

Помимо сфер экономики, указанных в табл. 4.2.1, китайские компании проявили интерес к прямым инвестициям в высокие технологии и энергетику, которые также вошли в первую десятку наиболее крупных инвестиционных сделок (табл. 4.2.2).

Таблица 4.2.2.

Крупнейшие сделки слияний и поглощений в европейских странах с участием китайских инвесторов в первой половине 2019 г.

Инвестор (КНР)	Отрасль/сфера деятельности	Целевая страна-реципиент	Целевая компания	Объем инвестиций (млн долл.)
Evergrande Group	Промышленность	Швеция	NEVS	930
Evergrande Group	Промышленность	Швеция	Koenigsegg Automotive	172
Imagi International	Медиа и развлечения	Великобритания	Les Ambassadeurs Club	156
Zhejiang Haliang	Производство материалов	Германия	KME Group	136
Alibaba group Holding	Высокие технологии	Германия	Data Artisans	103
Lingshen Invest (Shenzhen)	Энергетика	Финляндия	Salcomp Plc	99
Masterwork Group	Промышленность	Германия	Heideberger Druckmaschinen	78
Fuyao Glass Group Industries	Материалы	Германия	SAM automobile Group	67
Zhejiang Hengin Chair	Промышленность	Швейцария	FFL Holding	63
Fosun International Holding	Потребительские товары	Германия	Tom Tailor Holding	56

Источник: [Sun, Denneborg, 2019].

Китай ставит своей долгосрочной целью трансформацию прежней позиции поставщика для западных компаний в роль ведущего мирового центра технологий и инноваций. Соответственно, высокотехнологичные компании во все большей степени попадают в фокус внимания китайских инвесторов при проведении ими переговоров в развитых странах, в том числе в ЕС. Опасение рисков последствий китайских инвестиций для безопасности привело к принятию как отдельными странами ЕС, так и в целом на уровне интеграционной группировки защитных мер, предусматривающих усиление контроля и защиту стратегических отраслей от инвестиций иностранных компаний, в том числе из Китая.

Для стран Европейского союза можно сделать вывод, что объем китайских инвестиций, который рос до 2016 г., в значительной степени был

обусловлен отдельными крупными сделками. Статистика последних лет позволяет выдвинуть предположение, что инвестиционный бум, возможно, закончился. Несмотря на отрицательный тренд притока китайских ПИИ в некоторых европейских странах, в целом страны Европейского союза остаются интересными для китайских инвесторов. Возможности, которые открываются для инвестиционных потоков из Китая в страны ЕС и другие страны, сегодня во многом связывают с инициативой «Пояс и путь».

Среди видов китайских ПИИ в страны ЕС инвестиции в новые проекты занимают весьма скромное место, а объем индивидуальных инвестиционных сделок сокращается. Преобладание со значительным перевесом сделок M&A в значительной мере объясняется мотивами поиска китайскими компаниями стратегических активов (strategic-asset-seeking), доступом к передовым технологиям, управленческим ноу-хау.

Среди основных вызовов, с которыми сталкиваются китайские инвесторы в странах Европейского союза в последние годы, отметим корректировку отношения зарубежных компаний к прямым инвестициям в стратегические отрасли, что проявляется в изменениях в регулировании, мониторинге и контроле прямых инвестиций извне Европейского союза на уровне ЕС в целом и многих входящих в данную интеграционную группировку стран. Изменение объемов и направления китайских внешне-ориентированных инвестиционных потоков в будущем окажет влияние на тренды динамики и структуры взаимной торговли Китая и европейских стран.